
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Проблему развития международного права открывает статья недавно ушедшего из жизни профессора М.Е. Черкеса. И хотя статья была написана несколько лет назад, она и поныне не утратила своей актуальности и задает тональность дискуссии о путях развития международного права в XXI века.

ЧЕРКЕС М.Е.

**заведующий кафедрой международного права
и международных отношений Национального
университета «Одесская юридическая академия»
(1997-2010 гг.), профессор, к.ю.н.**

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (международное право после 11 сентября 2001 г.)

Юридические дисциплины, с точки зрения их характеристик, привязаны к историческим или в большей мере национальным критериям, нежели к временным. Мы говорим о германском уголовном праве, римском гражданском праве, англо-саксонской правовой системе, исламском праве и пр.

Подобный подход неприменим к международному праву. Хотя марксистская теория пыталась создать формационные характеристики: международное право рабовладельческого, феодального или капиталистического общества, – этот подход не имел успеха. Его ущербность проявилась при попытке дать определение и сконструировать гибрид из капиталистического и социалистического международного права в период существования стран

т. н. социалистической системы¹. Примеры такого формационного подхода мы находили у большинства советских авторов. Например, в одном из послевоенных учебников его авторы писали: «...поскольку право не имеет и не может иметь своей особой истории, оторванной от общегражданской, постольку и для истории международного права единственно правильной представляется принятая в нашей исторической науке периодизация, основы которой были сформулированы в известных замечаниях товарищей Сталина, Жданова и Кирова...»². В учебнике международного права под ред. Г.В. Игнатенко и Д.Д. Остапенко эта позиция получила развёрнутое воплощение, поскольку в нём исследовалось международное право рабовладельческого общества, международное право феодального общества и международное право в эпоху капитализма³. Впрочем, эта точка зрения была присуща и многим другим учебникам того периода.

В науке международного права преобладают другие критерии периодизации. Уже в девяностые годы в отечественной науке наблюдается отход от формационной теории. «...Не представляется бесспорной периодизация истории международного права, соответствующая смене общественно-экономических формаций», – писал в этот период Ю.М. Колосов⁴. Что касается других критериев периодизации, то они нашли своё выражение в ряде основных зарубежных курсов, в частности у Л. Оппенгейма⁵ (международное право до Гроция и международное право после Гроция). Жан Тускоз в основу истории кладёт возникновение христианской цивилизации, возникновение «евроцентристского» международного права (от XV века до Первой мировой войны)⁶. Французский автор вьетнамского происхождения делит историю международного права на два периода: до французской буржуазной революции и от 1789 года до наших дней⁷.

Работа Э. Х. де Аречаги называется «Современное международное право», хотя никаких критериев относительно понятия «современное» он не приводит. Да и вообще периодизацией не занимается⁸. Точно также не проявил интереса к этой проблематике Я. Броунли, в том числе в последнем, пятом издании курса «Принципы международного публичного права»⁹.

Интерес к периодизации обусловлен тем, что каждый период вызывал к жизни новые институты международного права: посольское право, право

¹ Вначале это называли социалистическим лагерем, но потом спохватились и заменили на социалистическое содружество.

² См: Международное право. – М.: Госюриздат, 1951. – С. 64.

³ Международное право: Учебник для вузов. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 16-30.

⁴ Международное право: Учебник. – М.: Междунар. отношения, 1995. – С. 8.

⁵ Оппенгейм Л. Международное право. Том 1. Мир. Полутом 1. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1948. – С. 85-125.

⁶ Тускоз Жан. Міжнародне право: Підручник / Пер. с франц. – К: Артк, 1998. – С. 16-22.

⁷ Nguen Quoc Dinh / Patrick Daillier. Allan Pellet L-G: D: J: Paris; 1999; P 42.

⁸ Де Аречага Эдуардо Хименес. Современное международное право. – М.: Прогресс, 1983.

⁹ Ian Brownlie. Principles of public international law. Fifth Edition. Oxford, University press, 2002.

договоров, право войны и пр. Но при всех обстоятельствах речь шла о прогрессивном развитии международного права применительно к его историческому пониманию.

Какие бы позиции не занимали те или иные авторы, в любом случае, как это было, например, у Аречаги, непременно предполагается существование современного международного права. Конечно, для каждого нового поколения действующее международное право является современным. Конечно, каждое новое поколение стремится к улучшению действующего международного права. Не случайно соответствующая комиссия ООН называется Комиссией по кодификации и прогрессивному развитию международного права. Поэтому речь идёт о совершенствовании тех позиций, которые уже были завоёваны международным сообществом и получили закрепление в международном праве.

За последнее столетие временное представление о современном международном праве менялось. Вначале предполагалось, что современное международное право это то, которое существовало в период между двумя мировыми войнами. Затем этот период отодвинулся, и полагали, что современное международное право это то, которое создавалось и действовало с момента принятия Устава ООН. И правда, международное право этого периода имело немало выдающихся достижений. Сюда следует отнести Билль о правах, деколонизацию, гуманизацию вооружённых конфликтов, кодификацию права моря и права договоров, и ряд других. К поступательному и прогрессивному развитию международного права стали привыкать. Классовый и национальный экстремизм первой половины XX века, Вторая мировая война, в общем, не прервали, а даже укрепили уверенность в торжестве международного права. Нюрнбергский и Токийский трибуналы, признание приоритета общечеловеческих ценностей подтверждали эту уверенность.

Между тем, в семидесятые годы прошлого столетия произошли события, которые вначале не вызывали особой тревоги: угон самолетов, захват морских судов и заложников на них, как правило, в целях обогащения. Представлялось, что от этого можно откупиться: неприятно, но не столь страшно. Блестящая, с элементами изящного детектива операция по освобождению заложников в аэропорту Энтеббе в Уганде вселяла оптимизм. Представлялось, что, по выражению А. Блока, «острый галльский смысл и сумрачный германский гений» шутя преодолеет вызов доморощенных и невежественных террористов. Тревожный звонок прозвенел на Мюнхенской олимпиаде.

Если исключить Красные бригады, накопившиеся факты свидетельствовали, что угроза исходит главным образом от религиозного экстремизма. Это наносило удар по либеральной позиции отказа от деления мира на «христианские» и «нехристианские» народы, «цивилизованные и нецивилизованные нации», хотя вслух об этом пока не говорили. Однако, послед-

ний этап в палестинско-израильских отношениях, когда уход израильтян из Сектора Газа не остановил взаимной вражды и вооруженных столкновений, а также высказывания нового иранского президента, приводят к мысли, что идёт религиозная война, присущая средневековью.

Впоследствии террористические акты, множась, переросли в смертельную угрозу человечеству. Это были и захват заложников в театральном центре на Дубровке, и разрушенные дома в Волгодонске и Москве, и взрывы в Лондонском метро и в Мадриде и многое другое, унесшее тысячи человеческих жертв. Но, конечно, самым страшным преступлением было совершённое 11 сентября 2001 года разрушение башен Торгового центра в Нью-Йорке.

По нашему мнению, именно от этой даты следует исходить при определении современного международного права. Обозначение временных координат не должно вводить в заблуждение. Как упоминалось, подобные события в том или ином масштабе происходили и до 11 сентября. Но по количеству жертв и по трагическому накалу событий 11 сентября превзошло всё, что было до, как, впрочем, и после. Конечно, не следует забывать потрясшую мир судьбу Альдо Моро, который из заточения направлял трагические послания своему народу и окончил жизнь в багажнике автомобиля. Не следует забывать о двухстах погибших в Боинге над шотландским городком Локерби, взорванном ливийскими террористами, трагедию 11 марта 2004 года в Мадриде и многое другое.

Было бы кощунством определять значимость события количеством жертв. Конечно, 11 сентября по этому критерию превосходит все остальные, но преимущество и ценность нашей цивилизации в том и состоит, что даже одна человеческая жизнь, «слезинка одного ребёнка», по утверждению Ф.М. Достоевского, не может оставить спокойной совесть человечества.

В исторической периодизации международного права был период, когда «современное международное право» отсчитывалось от окончания Первой мировой войны и создания Лиги Наций. Несколько «возмужав», советская доктрина международного права предлагала точкой отсчёта считать Октябрьскую революцию и декрет о мире, причём последний акт небезосновательно полагали этапным в истории международного права, поскольку некоторые его лозунги не утратили своей значимости до наших дней. Нынешняя наука избрала точкой отсчёта создание Организации Объединённых Наций.

Конечно, само понятие «современное» отрицает стагнацию, означает привязку его каждый раз к новому миропорядку, который устанавливается нынешним, современным поколением. И если для нынешнего поколения требуется новый критерий отсчёта, то, как представляется, дата 11 сентября является наиболее подходящей.

Как это было и прежде, современное международное право отличается от предыдущего. Но если каждое новое поколение вносило в международное право элементы прогрессивного развития (вспомним: Комиссия ООН по кодификации и прогрессивному развитию международного права), то современное международное право стоит на пороге движения вспять, в результате деструктивных разрушительных действий международного терроризма.

Борьба, которая ведётся с международным терроризмом, носит весьма неубедительный характер. В основном, она ограничивается разработкой доктрины. В рамках различных организаций, конференций и совещаний принимаются резолюции и рекомендации, которые больше напоминают многочисленные грозные «китайские предупреждения», над которыми в своё время потешался весь мир. Практического результата никакого. Но неизбежно возникает вопрос: а какой должна быть эффективная борьба с международным терроризмом, при которой будет достигнут необходимый результат, и чем она должна завершиться.

В свете происходящих в мире событий лидеры крупнейших государств говорят, что терроризм объявил человечеству войну. Если это война, то, в соответствии с действующим международным правом следует определить цель войны, театр войны, в которую втягивают человечество, назвать противника, наконец, объявить войну. Ничего этого мы сделать не сможем. В своё время формулу такой войны попытался доступно сформулировать В.В. Путин, предложив террористов «мочить в сортире». Конечно, это эффективный способ, поскольку «замоченный», т.е. мёртвый террорист, уже не совсем террорист. Но выяснилось, что часть из них сама охотно идёт на смерть, причём в равной мере как мужчины, так и женщины, и, следовательно, этим их не испугаешь. Когда в Театральном центре на Дубровке применили парализующий газ, от него пострадала значительная часть заложников, которых собирались спасти, большая, кстати, чем самих террористов.

Потребность бескомпромиссной и беспощадной борьбы с терроризмом вызвала определенное замешательство среди политиков и учёных, работающих в области международного права. Речь идёт о необходимости отказаться от целого ряда постулатов международного права, сдерживающих человечество моральными и правовыми путями в этой беспощадной борьбе. Хотелось упростить фразу, сказав об отказе от «ряда постулатов». Но не получается, поскольку надо отказываться от многого и очень важного, наработанного за прошедший период истории международного права. Поэтому придётся отказываться от «целого ряда» постулатов. Но, видимо, другого выхода нет.

Необходимость такого отказа провозглашается так или иначе уже на протяжении нескольких лет. Манифестом следует рассматривать заявление С.Л. Рогожина, который объявил международное право «набором мифов»,

утверждая, что международное право в «современной версии ... представляет собой своеобразное мифологическое повествование в юридических терминах»¹. Поэтому, пишет он, «для анализа эффективности той или иной отрасли или института международного публичного права намного важнее вопрос, не какое право действует в данных исторических условиях, а какое право действительно применяется участниками правоотношений и применяется ли оно вообще»².

В этом же ключе выступает киприот, профессор международного права Каллиоли К. Куфа, который, анализируя положение в науке и практике международного права, отмечает, что реакция на вызов терроризма после 11 сентября была панической, и эта «реакция всё ещё присуща многим политическим и правовым действиям, связанным с терроризмом. По его словам, некоторые учёные сейчас отстаивают позиции, которые ещё год назад они сами считали бы необоснованными, позиции, реально отвергающие многие из основных принципов международного права». В частности, к ним относятся вопрос о вооружённых конфликтах и о различиях между гражданскими войнами и терроризмом, между использованием силы в порядке осуществления права на самоопределение и терроризм. Спорный характер приобретают некоторые другие вопросы, такие, например, как ответственность за нарушение гуманитарного права³.

Попробуем уточнить формулировки Каллиоли. Представляется, что ряд постулатов из области прав человека следует подвергнуть пересмотру. Так, в нынешних условиях сомнительно было безоговорочно отстаивать весь комплекс политических и личных прав, право на личную неприкосновенность и неприкосновенность жилища, право на жизнь. Когда в ночном сражении уничтожаются террористы, нападающие на мирные объекты и мирных граждан, смешно было бы настаивать на исполнении всех требований, касающихся соблюдения права на жизнь. Формула В. Путина «мочить в сортире» исполнение таких требований исключает. Конечно, остаётся справедливым ловить и предавать суду. Но тогда когда это невозможно, лишение жизни бандита оправданно. Думается, формулировку Каллиоли относительно различия гражданских войн и терроризма следовало бы дополнить выявлением различий между превентивными войнами и агрессией. Известно, что в последнее время вопрос о правомерности превентивных войн активно обсуждается, причём мнение складывается в пользу их признания. Пример этому – война в Ираке.

В Афганистане талибы установили террористический режим по отношению к собственному народу. Они закрыли театры, запретили телевидение

¹ Рогожин С.Л. Мифы права. Опыт парадоксального анализа международного публичного права // Московский журнал международного права. – 2003. – № 3. – С. 21.

² Там же. – С. 19.

³ Куфа К. Каллиоли. Терроризм и права человека // Юрист-международник. – 2003. – № 4. – С. 68.

и большую часть газет, всех женщин заставили закрыть лица паранджой. Они расстреляли из артиллерийских орудий уникальную статую Будды. Страна стояла на пороге средневековья. В 1896 году из окон тюремного Метехского замка М. Горький наблюдал поразившую его картину, которую затем описал в рассказе «Праздник шиитов». Это был рассказ о том, как толпа обезумевших мужчин в религиозном экстазе, заливаясь кровью, истязала себя мечами, ножами, цепями и палками. Это поражало воображение. А сейчас мы видели то же самое в репортажах из Ирака. Молодые женщины из Чечни становятся самоубийцами. Поэтому в политической и юридической литературе всё чаще раздаются призывы к оправданию превентивных войн против режимов, культивирующих религиозный фанатизм, человеконенавистническую идеологию и нетерпимость. Хотя, конечно, превентивная война международным правом не признаётся.

Вот далеко не полный перечень проблем, которые нуждаются в обсуждении в контексте содержания современного международного права.